

АВЕНДРІУСЪ.

ШКОЛА ЖИЗНИ
ВЕЛИКОГО ЮМОРИСТА

УЧЕНИЧЕСКИЕ ГОДЫ ГОГОЛЯ.

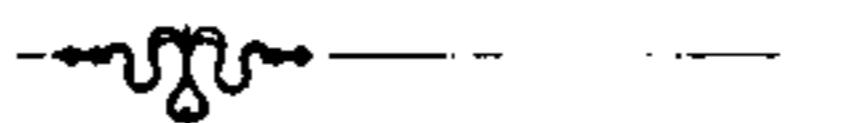
БИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

В. П. Авенариуса.

I. Гоголь - гимназистъ.

II. Гоголь - студентъ.

III. Школа жизни великаго юмориста.

"Ангелий, Василий Петрович.

ШКОЛА ЖИЗНИ ВЕЛИКАГО ЮМОРИСТА. БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Съ 15 портретами и рисунками.

—• ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ. •—

Печатано безъ измѣненій съ первого изданія, одобренного Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, допущенного въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки и рекомендованного Ученымъ Комитетомъ по учрежденіямъ Императрицы Марии для ученическ. библіотекъ средняго и старшаго возраста среднихъ учебн. заведеній Вѣдомства.

Цѣна 1 р. 50 к., въ пакѣ 1 р. 75 к., въ переплѣтѣ 2 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Книжного Магазина П. В. Луковникова.
Лештуковъ переулокъ, № 2.

891.78
A9515 ch
1904

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Января 1904 года..

.....
Типографія Ю. Н. Эрлихъ. Садовая, 9.

Николай Васильевич
ГОГОЛЬ.

Stacks
Exchange
SALT Lake
11.1.71
898581-293

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТР.
Глава I. Съ заоблачныхъ высей на четвертый этажъ	7
» II. Первый день новичковъ въ школѣ жизни.	17
» III. Иванъ-царевичъ на распутьѣ	28
» IV. Козырнуль	40
» V. Ауто-да-фе	52
» VI. Безъ оглядки	65
» VII. На морѣ на океанѣ	74
» VIII. На островѣ на Буянѣ	82
» IX. Въ хомутѣ	92
» X. Первая ласточка	108
» XI. «Бисаврюкъ»	124
» XII. Отъ Капитолія до Тарпейской скалы	137
» XIII. Какъ иногда одна ласточка дѣлаетъ весну	153
» XIV. У двухъ отцовъ литературы	165
» XV. Подъ скальпелемъ критики	173
» XVI. Басня о сапожникѣ и пирожникѣ	182
» XVII. Пасичникъ на Олимпѣ.	195
» XVIII. Donna Sol	207
» XIX. Двѣ писательскія идилліи	213
» XX. Грозная гостья	223
» XXI. Въ специальному классѣ школы жизни	231
» XXII. Дипломъ на «мастера своего дѣла»	242
Эпилогъ	253
Перечень главнѣйшихъ источниковъ, послужившихъ матеріа- ломъ для трилогіи «Ученическіе годы Гоголя». . .	261

Р и с у н к и.

	СТР.
I. Н. В. Гоголь	1
II. Книжный магазинъ Смирдина	54
III. Н. Я. Прокоповичъ	58
IV. П. П. Свиягинъ	116
V. Н. И. Гречъ	130
VI. Графъ Л. А. Перовскій.	154
VII. В. И. Панаевъ	160
VIII. В. А. Жуковскій.	168
IX. П. А. Плетнєвъ	172
X. И. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, В. А. Жуковскій и Н. И. Гиѣдичъ	198
XI. А. О. Россеть (впослѣдствіи Смирнова)	208
XII. Н. Н. Пушкина	215
XIII. Обѣдъ у Смирдина	242
XIV. «Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» .	244
XV. Могила Н. В. Гоголя	260

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Съ заоблачныхъ высей на четвертый этажъ.

Якиме!

— Эге!

— Не видать еще заставы?

— Не видать, панычу.

Первый голосъ исходилъ изъ глубины почтовой кибитки; второй отзывался съ облучка и принадлежалъ сидѣвшему рядомъ съ ямщикомъ малому изъ хохловъ: національность его обличалась какъ характеристичнымъ выговоромъ уроженца Украины, такъ и висячими колбасиками усовъ, заиндивѣвшихъ отъ декабрьского мороза и придававшихъ нестарому еще хлопцу видъ сивоусаго казака.

Нетерпѣливый паничъ ему, однако, не повѣрилъ. Приподнявъ рукою край опущенного рогожнаго верха кибитки, онъ высунулъ оттуда свой длинный, загнутый крючкомъ носъ. Въ самомъ дѣлѣ, впереди тянулось безконечной лентой царскосельское шоссе съ двумя рядами опущенныхъ снѣгомъ березъ и терялось вдали въ полумракѣ раннихъ зимнихъ сумерекъ; по сторонамъ же безотрадно разстилались однообразною бѣлою скатертью поля да поля, по которымъ разгуливаль вольный вѣтеръ. Налетѣвъ на кибитку, онъ не замедлилъ обвѣять снѣжнымъ вихремъ любопытствующій носъ, да кстати пустилъ цѣлую пригоршню порошистаго мерзлаго снѣга и подъ кузовъ кибитки къ сидѣвшему тамъ другому молодому путнику, такъ

что тотъ взмолился «ради Христа опустить рогожу» и плотнѣе запахнулся въ приподнятый воротникъ своей мѣховой шубы.

То были двадцатилѣтній Гоголь и его однолѣтокъ, однокашникъ и другъ дѣтства—Данилевскій. Полгода назадъ—въ іюнь 1828 года—окончивъ вмѣстѣ курсъ Нѣжинской гимназіи «высшихъ наукъ» съ чиномъ XIV класса, они направлялись теперь въ Петербургъ—одинъ для гражданской карьеры, другой—для военной, для которой, впрочемъ, ему предстояло еще сперва одолѣть военные науки въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

— Мы точно обмѣнялись натурами,—замѣтилъ пріятелю Гоголь:—ты мерзнешь въ своеѣ енотѣ, а я въ моемъ старомъ плащѣ не чувствую даже мороза. А отчего? Оттого, что я буквально горю нетерпѣніемъ...

— Да и мнѣ очень любопытно взглянуть на Петербургъ,—отвѣчалъ Данилевскій:—что за диковина—Невскій проспектъ?

— А знаешь что, Александръ,—подхватилъ Гоголь:—какъ только прибудемъ, такъ тотчасъ же отправимся на Невскій?

— Понятно, если вообще поспѣемъ. Вѣдь теперь, пожалуй, седьмой уже часъ, а когда еще порѣшили съ квартирой, когда доберемся до Невскаго...

— Правда, правда, чортъ возьми! Какъ, бишь, былъ тотъ адресъ, что ты записалъ для насть на послѣдней станціи?

— У Кокушкина моста, домъ Трута.

— Вѣрно. Эй, ямщикъ!

Ямщикъ обернулся.

— Что, баринъ?

— Далеко ли отъ Кокушкина моста до Невскаго?

— Отъ Кокушкина? Да версты полторы, почитай, будетъ.

— А когда закрываютъ на Невскомъ магазины?

— Да которые въ восемь, которые въ девятомъ.

— Ну, вотъ, ну, вотъ! навѣрное, опоздаемъ.

— Такъ хоть на красавицу Неву полюбуемся,—сказалъ Данилевскій.—Вѣдь Кокушкинъ мостъ, ямщикъ, черезъ Неву?

— Эвона! — усмѣхнулся ямщикъ. — Черезъ Екатерининскую канаву. До Невы оттолѣ сколько еще улицъ и переулковъ. Да и смотрѣть-то на Неву чего зимою? А вотъ тебѣ и Питеръ.

— Гдѣ? гдѣ?

Ямщикъ указалъ кнутовищемъ направо и налево:

— Вонъ огонечки свѣтятся.

Въ самомъ дѣлѣ, въ отдаленіи и справа и слѣва сквозь вечерній сумракъ мелькали, мигали десятки, сотни огней.

— Наконецъ-то! — заликовалъ Гоголь. — Александръ! смотри же, смотри: Петербургъ!

Оба чуть не на полкорпуса высунулись изъ-подъ кузова кибитки.

— Ну, Невскаго тутъ, пожалуй, и не разглядишь, — замѣтилъ Данилевскій.

— А я уже совершенно ясно вижу!

— Внутреннимъ окомъ поэта?

— Вотъ именно. Вокругъ каменные громады въ пять, въ шесть, въ десять этажей... Колонны, балюстрады, гранитные ступени; по бокамъ — львы да сфинксы; въ нишахъ статуи... Великолѣпіе и красота изумительная, неизобразимая!.. А это что въ окошкѣ магазина? Фу, ты, пропасть! цѣлый Монбланъ, Эльборусъ книгъ самоновѣйшихъ, неразрѣзанныхъ, съ свѣжимъ еще душкомъ типографской краски, слаще амбры и мирры... Ай-ай-ай, что за минніатюрное изданіе! Душу отдать — и то мало... А тамъ вдали что свѣтится, играетъ такимъ яркимъ огнемъ, что передъ нимъ всѣ эти безчисленные брызги лампъ, свѣчей и фонарей, какъ плошки, меркнуть? Не комета ли? Нѣть, адмиралтейский шпиль — путеводная звѣзда для всего Петербурга, для всей Россіи!.. Чортъ тебя побери, Петербургъ, какъ ты хороши!

— Ты Николай, сегодня что-то особенно въ ударѣ, — прервалъ Данилевскій разглагольствованія своего друга-поэта. — Молчишь себѣ, молчишь, да вдругъ прорвешься. Но видишь ты до сихъ поръ одинъ каменный бездушный городъ...

— Бездушный!! Самъ ты, душенька, бездушный, коли

эти камни душъ твоей ничего не говорять! Но вотъ тебъ и люди: каждый въ отдельности среди этихъ вѣковѣчныхъ созданій человѣческой мысли, человѣческаго искусства—мелкій, ничтожный мурашъ, но въ массѣ—внушительная сила.

«Какое торжество готовить древній Римъ?
Куда текутъ народны шумы волны?..
Кому тріумфъ?..»¹⁾

Всѣ, вишь, останавливаются, озираются на одного человѣчка, который скромненько плетется по тротуару. Кто же сей? Съ виду онъ неказистъ и простъ, но всякий его оглядываетъ съ особеннымъ почтеніемъ, всякий готовъ воскликнуть: «Да здравствуетъ Гоголь! нашъ великий Гоголь!»

Выкрикнулъ это будущій тріумфаторъ съ такимъ одушевленіемъ, что поперхнулся, захлебнулся морозною струею удариившей ему прямо въ лицо и въ ротъ сиверки, и жестоко раскашлялся. Данилевскій поспѣшилъ усадить пріятеля на мѣсто и спустить сверху рогожу въ защиту отъ новаго порыва вѣтра.

— Экій ты, братецъ! Здоровье у тебя и безъ того неважное, а матушка твоя взяла еще съ меня слово беречь ея Никошу какъ зѣницу ока. Того гляди, схватишь капитальную простуду.

Гоголю было не до отвѣта: въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ безпрерывно кашлялъ и сморкался.

— А вона и трухмальная!—раздался тутъ съ облучка голосъ возницы.

— Какая трухмальная!—переспросилъ Данилевскій.

— А ворота, значитъ.

Данилевскій расхохотался.

— Тріумфальная! Ну, братъ Николай, какъ бы твой тріумфальный вѣздъ не обратился тоже въ трухмальный.

Кибитка остановилась у городской пограничной гауптвахты передъ спущеннымъ шлагбаумомъ. Подошедшій солдатъ потребовалъ у проѣзжающихъ паспорты. Когда онъ тутъ посвѣтилъ фонаремъ подъ кузовъ кибитки, у него вырвалось невольно:

¹⁾ Изъ «Умирающаго Тасса»—Батюшкова.

— Эй, баринъ! да ты вѣдь нось себѣ отморозилъ.

Гоголь схватился рукою за нось, который у него давно уже пощипывало.

— Ну, такъ, напророчилъ! — укорильтъ онъ пріятеля. — Не угодно ли дѣлать завтра визиты съ дулей вмѣсто носа!

— Снѣгу, Якимъ, поскорѣе снѣгу! — заторопилъ Данилевскій, которому было уже не до шутокъ.

Пока оттирали злосчастный нось, паспорты на гауптвахтѣ были спрвлены и шлагбаумъ поднятъ.

— Съ Богомъ!

Мнительный по природѣ Гоголь настолько вдругъ упалъ духомъ, что, уткнувшись въ своей плащѣ, почти не глядѣль уже по сторонамъ. Да правду сказать, и глядѣть-то было не на что: отъ заставы вплоть до Обуховскаго моста попадались только тамъ да сямъ убогіе, одноэтажные домишкі, раздѣленные между собою длиннѣйшими заборами и пустырями. Пробивавшійся сквозь замерзшія окна этихъ домиковъ скучный свѣтъ былъ единственнымъ уличнымъ освѣщеніемъ, если ис считать натурального освѣщенія безчисленныхъ звѣздъ, все чаще и ярче проступавшихъ въ вышинѣ на темномъ фонѣ неба.

— Ну, столица! И фонарей-то не имѣется! — воскликнулъ Данилевскій. — Ничѣмъ, ей-богу, не лучше любого уѣзднаго городишкі.

Гоголь отозвался сердитымъ «гмъ!». Зато ямщикъ, слышавшій такое легкомысленное замѣчаніе молодого провинціала, счелъ нужнымъ вступиться за честь столицы.

— Ты, баринъ, Питера нашего, не видавши, не хай! Это — пригородъ; за Фонтанкой только пойдетъ самый городъ.

И точно, по ту сторону Фонтанки потянулись почти сплошные ряды каменныхъ домовъ, двухъ, трехъ и даже четырехъ-этажныхъ, а передъ домами довольно рѣдкая цѣль тусклыхъ масляныхъ фонарей.

— Вотъ тебѣ и фонари, — сказалъ ямщикъ.

— Такъ и сверкаютъ! — пробрюзжалъ изъ-подъ своего плаща Гоголь: — самихъ себя освѣщаютъ.

— А вотъ и базарь напъ — Сѣнная, — продолжалъ поучать ямщикъ, когда они добрались до Сѣнной площади, запруженной, по слухаю рождественскихъ праздниковъ, кромъ постоянныхъ ларей и открытыхъ павѣсовъ, еще сотнями крестьянскихъ саней съ свинymi тушами и грудами всякой живности. — Есть, небось, на что посмотреть! А вамъ-то отъ Кукушкина моста ужъ какъ способно: хоть каждый день ходи. Вамъ чей домъ-то?

— Трута.

— Эй, ты, кавалеръ! гдѣ тутъ домъ Трутова?

Топтавшійся съ ноги на ногу отъ мороза у своей будки будочникъ ткнулъ алебардой внизъ по Садовой.

— Вонъ на углу-то, какъ свернуть къ мосту, видишь домино? Онъ самый и будетъ.

Когда кибитка остановилась передъ большимъ четырехъэтажнымъ домомъ, Якимъ соскочилъ съ облучка и розыскаль подъ воротами дворника, а тотъ, получивъ отъ Данилевскаго пятакъ, услужливо проводилъ молодыхъ господъ вверхъ по лѣстницѣ въ четвертый этажъ. На одной лишь первой площадкѣ коптѣла печальная лампа; за ближайшимъ поворотомъ начался полумракъ, который, чѣмъ выше, тѣмъ болѣе все сгущался. Ступени вдобавокъ обледенѣли, и Гоголь, поскользнувшись, едва удержался за плечо товарища.

— Подлинно столичныя палаты! — сказалъ онъ. — Что, дворникъ, скоро ли дополземъ?

— Доползли-съ.

На стукъ въ дверь изнутри послышался хриплый собачий лай, потомъ шаги и женскій голосъ:

— Кто тамъ?

— Это я, Амалія Карловна, дворникъ съ прѣзжими гospодами: комнаты у васъ снять хотятъ.

Желѣзный крюкъ щелкнулъ, и дверь растворилась. Передъ прѣзжими предстала со свѣчкою въ рукахъ барыня среднихъ лѣтъ въ чепцѣ, въ которой, и безъ ея иностранного акцента, по чертамъ лица и опрятному наряду не трудно было признать нѣмку.